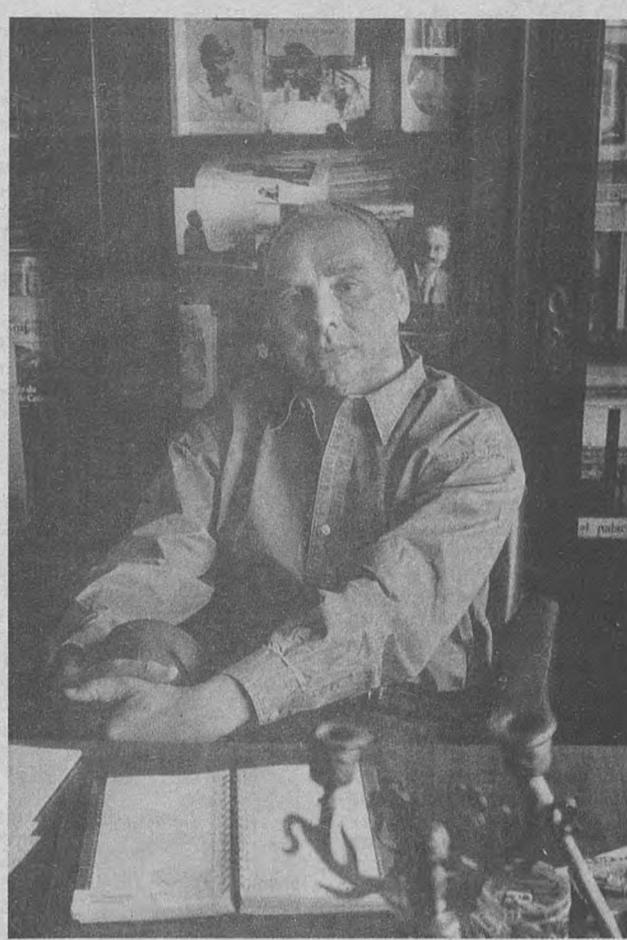

Виталий ВУЛЬФ:

«За передачу о Татьяне Дорониной меня готовы были просто убить»

Представлять читателям "ВК" Виталия Вульфа нет необходимости. Каждый, кто смотрит телепередачу "Серебряный шар" (а смотрят ее практически все), хорошо знает этого человека — писателя, переводчика, блестящего рассказчика, серьезного и тонкого театроведа, чье появление на телеэкране стало настоящим открытием. Открытием людей, судеб, истории театра. Да и самого жанра телерассказа.

— Виталий Яковлевич, в вашей книге «Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова» совершенно поразительным образом проявилась тема времени. И вообще в своих передачах вы часто уходите в прошлое — в 30-е, 40-е, 50-е годы. Вы считаете это необходимым?

— Да. Когда я убеждал Ангелину Иосифовну сделать книжку, я преследовал только одну цель — рассказать о той эпохе. Я никогда не любил советскую власть. Не за что было ее любить. Но я жил в ту эпоху. И когда сегодня много разрушается и мало создается, как важно показать 30-е годы. Именно 30-е! Поразительные, противоречивые! Ведь это были не только лагеря, расстрелы и уничтожение людей. Это были еще и МХАТ, и Камерный, и Мейерхольд, и Михоэлс — Король Лир, и Остужев — Отелло, и Бабанова — Таня... Все это надо объяснить. Искусство во все времена живет по своим законам, движется своим путем, не всегда совпадая с политическими и социальными путями. Как же уживались вместе: лагерь, ссылка, свидание с Енукидзе, безумный любовный роман и театр, репетиции, роли?... Посмотрите на две эти жизни Степановой и Эрдемана и еще посмотрите, каким был МХАТ в то время. Каким был ввод в спектакль, как воспринималось непонимание роли, как воспринимался приход Немировича на репетицию и какими были репетиции... Поэтому все мои комментарии сортированы по времени. Я думаю, что время всегда налагает особую печать на то, о чем пишешь, говоришь...

— На что чаще всего опираетесь замысел ваших книг и телепередач?

— Книга и телепередача — это разные вещи... Книги, которые я написал, — а их четыре, — документального свойства. Это то, что американцы называют non-fiction, документальная литература, которая целиком опирается на факты. Для меня основа написания книги — документ. И только на основе документа я выстраиваю определенную концепцию, которая помогает раскрыть человека. Недавно я перечитал свою книжку о Степановой, которая вышла одиннадцать лет тому назад, и подумал, как бы я сегодня сделал все по-другому. Ведь когда я писал эту книгу, Ангелина Иосифовна мне многого не рассказывала. Мы были в добрых отношениях, но была дистанция. Сейчас я знаю ее архив и, конечно, многое бы поменял. Мне всегда интересен человек, который проходит некую эволюцию. Ведь в театральном мире дело не только в таланте. Сам по себе талант, к сожалению, не может привести к результату. Существуют тысячи обстоятельств: гибкость, ум, умение слышать современность, личная жизнь, современность... Ангелина Иосифовна прожила гигантскую жизнь, но в отношении нее всегда работало определенное клише — «секретарь парткома МХАТа» и «жена Фадеева». А когда вышла книжка «Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова», то стало совершенно очевидно, что за всем этим стоит такой гигантский мир чувств, который большинство людей и не переживало это время. А телепередача — это совсем другое. У тебя есть 40 минут, в течение которых ты должен выстроить портрет человека. Я вообще свой жанр называл бы «попытка портрета». Это как бы литературный взгляд на портрет человека, когда писатель не пишет словом, а говорит. Пишет устным словом, что ли...

— Это есть в меньшей степени это напоминает театральную критику?

— Я никогда не занимался критикой в расхожем смысле

слова. Поэтому все театральное-критическое, варевое от меня очень далеко. По многим причинам. Причем так далеко, что сегодня мне и неинтересно, что там происходит. Ведь если бы я занимался на телевидении театральной критикой, то мои передачи никто и никогда бы не смотрел. Кто что играл, хорошо или плохо, это никому неинтересно. Людям интересна реальная жизнь. И тут дело не в моем вкусе, а в том, что пригодно для телевидения, а что нет. Прежде всего телевидение требует сюжета, скрытого детектива. У человека, о котором ведется рассказ, должна быть драма жизни, «история». Если такой «истории» нет, то человек для телевидения не годится. Почему передача о Серовой была так популярна? Ее показывали раз шесть. Потому что биография Серовой с ее взлетами, падениями, популярностью, любовными романами, стихами Симонова и трагическим концом в 57 лет — это сам по себе сюжет...

— Наверное, труднее всего делать передачу о человеке, которого хорошо знаешь?

— Обычно я руководствуюсь личным восприятием, личным контактом. Если я видел человека, лично знал, общался с ним, ощущал, если у меня есть хоть какое-то внутреннее совпадение с ним, то тогда все по-другому, все иначе. Это для меня очень важно. Когда я начинал пять с половиной лет назад и вышел с передачей о Бабановой, это был личностный монолог о человеке, которого я знал «от» и «до». А когда делал передачу о Кторове, делал ее на основе отношений, не близких, но — бывших. Образ его у меня сложился свой. Я никогда не забуду, как он остановил меня в коридоре МХАТа и спросил: «Вы не в курсе, почему перестали ставить в репертуар «Милово лжеца»? Он знал — почему. И я знал — почему. Он стал забывать текст. И на одном из последних спектаклей Степанова так измучилась, что попросила не ставить спектакль в репертуар, но сказать об этом ему у нее не хватило мужества. Я помню его лицо! Для меня вся передача о нем была построена на воспоминании об этом лице, потому что в тот миг у него внутри была такая палитра чувств, такой эмоциональный заряд! Все кипело! Это было лицо очень страстного человека. При создании телепередачи очень важно такое проникновение во внутренний мир героя, такое понимание. То ли это интуиция, то ли ощущение... Меня иногда упрекают: «Ты видел человека один раз, а уже о нем судишь.» Я о нем не сужу, я его так ощущаю. Вот, например, передача об Анастасии Вертинской у меня не получилась. Я никогда не знал ее близко. Мы довольно много общались, когда она работала в «Современнике», и гораздо меньше — во МХАТе. Вероятно, поэтому у меня был трезвый взгляд на нее, и то, что она не моя героиня, оказалось очень видно. Передача я сделал, но она оказалась недоброй, без любви к героине, и вся моя команда вместе со мной решила ее в эфир не выпускать.

— Что вас может заставить самому себе сказать: «Вот об этом человеке я никогда, ни за что рассказывать не буду»?

— Я могу так сказать о человеке, чье искусство мне не близко. Вот, например, умом я понимаю, что артист Гвоздичкий — очень хороший артист и интеллигентный человек. Но его искусство мне не очень интересно. Я его когда-то посмотрел в Ленинграде в пьесе «Стекланный зверинец» в постановке Геты Яновской. Он играл Тома. Все были в восторге, а я был раздражен предельно. Для меня он сухой и рациональный. Мне он неинтересен. И поэто-

му о нем ни по радио, ни по телевидению я никогда не буду говорить. И таких примеров могу привести вам довольно много. Одновременно с этим есть люди, которые будут мне интересны всегда.

— Что еще определяет выбор героя? Насколько неожиданным он может быть для вас самого?

— У меня была идея сделать передачу о Марине Цветаевой! Почему? Я прочел в «Московских новостях» два выпада против нее. Критик Михаил Золотонос написал, что настало время, когда надо развенчать миф Марины Цветаевой, а Михаил Синельников написал, что у Цветаевой найдется только два десятка стихотворений и что вообще у нее дутая слава. Обсуждать это не стоит. Я только удивился, как Ольга Мартыненко, которая заведует отделом культуры в «Московских новостях», такое напечатала. Как вообще такое возможно?! И когда мне потом пытались объяснить, что в газете можно печатать разные мнения, — нет, не понимаю! А если придет какой-нибудь болван и скажет, что он не согласен с «Войной и миром», это надо печатать, что ли? Цветаева — гений XX века, и ни Золотоносов, ни Синельников золотены это не могут. Смешно, когда делают попытки распределить поэтов по рангу: Ахматова — первый ряд, Пастернак и Мандельштам — второй, а Цветаевой хоть и не отказываешься в таланте, но она уже другого ряда. Глупо это. Вот я и загорелся делать передачу. Меня остановило то, что мало зрительного материала. Но я еще не остыл до конца и все же хочу убедить свою команду это сделать. Тем более что вот недавно в книжке И. Кудровой я прочел, что в 1940 году Цветаева смотрела «Бесприданницу» с Бабановой. Можно было бы рассказать о Цветаевой и театре.

— Были ли случаи, когда сам герой вдруг запретил вам делать о себе телепередачу?

— Даже если герой узнает о готовящейся передаче, он вряд ли это сделает, так как мои передачи в основном со знаком плюс.

— Случалось ли вам говорить незаслуженные комплименты осознанно, из добрых побуждений?

— Очень редко, но случалось. Когда я понимал, что это необходимо. Когда, скажем, человек оказывался в тяжелой жизненной ситуации, и я считал своим долгом его поддержать...

— Как вы понимаете нравственность исследователя, рассказчика?

— Это тонкая грань. С одной стороны, когда пишешь или рассказываешь о человеке, должно быть нравственное чувство ответственности. Человек же не идеален по природе и всегда разный. Есть вещи, о которых непозволительно открывать на 100-миллионную аудиторию. Например, я мечтаю сделать передачу о Гале Волчек и боюсь. Я ее очень люблю. Она человек очень большого таланта, ума и юмора, но при этом таких противоречивых качеств! И поэтому о многом я просто не могу рассказать! А что получилось с передачей о Марине Нееловой? Все поделано передачу пресной. Да, верно. Она была пресной. Она была комплиментарной. Почему? Я мог бы многое рассказать, но не считаю это возможным. Конечно, передачу я этим обеднил. Но подобные издержки неизбежны. Я понимаю, что зависим. А с другой стороны, все-таки надо говорить о каких-то вещах впрямую. Я очень хочу сделать передачу о Григоровиче. И все время чего-то жду. Жду, чтобы прошло время. Это очень противоречивая фигура. Огромного дарования, совершившая очень много

жестких, непродуманных поступков. И в то же время, когда я смотрю на то, что сегодня происходит в Большом театре, сразу понимаю, с какой горки мы съехали, даже если говорить о самом кризисном периоде Григоровича...

— Существует ли для вас проблема целого, целостности?

— Вот в конце июля как раз была показана передача, которая, на мой взгляд, не получилась. Что-то я там не нашел, не дотянул. Хотя это передача о человеке, которого я очень любил, — о Николае Олимпиевиче Гриценко. Не очень получилась и передача о Плянте. Да и передача о Бирман могла быть сильнее. И нет в них именно целостности.

— Автор всегда чувствует, что получилось, а что нет?

— Мне-то всегда кажется, что все не получилось. Я всегда смотрю свои передачи один и вижу то, что могу увидеть только я один. Из-за того, что все это импровизация, из-за того, что все это делается на ходу. Но, конечно, ничего в принципе не было бы возможно без большой подготовительной работы, ведь для того, чтобы выйти на импровизацию, ты должен быть абсолютно свободен в материале. А моя команда, с которой я работаю в «Серебряном шаре», — Галя Борисова, Лена Гудеева, Владимир Брежнев, — это люди, которые точно понимают жанр нашей передачи. Ведь ее доступность для самых широких слоев населения должна вытекать из глубокого знания материала.

— Какова вероятность совпадения авторитетного и сложившегося мнения о ваших телепередачах?

— Это особая тема. Я сталкивался с этим много раз. Большинству людей то, что я делаю, интересно. А вот для театральных критиков я раздражитель. Для них я вообще человек со стороны. Я не оканчивал ГИТИСа, я ни в чем не принимаю участия... Все это оттого, что я только историк театра и переводчик пьес и потому — изнутри театральный человек. Я знаю внутреннюю жизнь театра и всегда по ту сторону баррикад. И всегда это подчеркиваю. На моих глазах много что происходило. Я иногда читаю и думаю: «Какие легенды сочиняются!» Ведь критики, как правило, внутренней театральной жизни не знают.

— Какие критические статьи о себе вам запомнились и почему, имеют ли они для вас значение и какое?

— Имеет ли это для меня значение? Никакого. Критические статьи о себе я читал трижды. И было очень обидно. Мне очень хотелось бы прочесть серьезный критический анализ. Но то, что я читал, я, конечно, помню. Прежде всего это статья очень недоброй, но, безусловно, талантливой Лидии Польской в «Московских новостях». Статья называлась «Одинокие гипнотизеры» — о Радзинском, о Скородово и обо мне. Неважно, что она всех нас объединила. С чем-то я согласен, а в чем-то она была абсолютно неправа. Например, не называя меня, она обвинила меня в том, что я все время рассказываю о мертвых — дескать, о мертвых говорить легче. Неправда! Не легче. А потом, передачу о живых я сделал больше. Но не в этом дело. Это была серьезная статья. И какие-то вещи из нее я, безусловно, взял на вооружение. Поэтому что статью писал человек, который понимает, о чем пишет. А когда за передачу о Дорониной и «Правда», и «Советская Россия», и «Завтра» были готовы просто меня убить, то о чем тут говорить? «Завтра» пометила целый подвал Марка Любомудрова, который всегда убивал. Убивал Товстоногова, убивал Ефремова. Ему не нравилось. Имя запачканное... Я прочел эту статью и подумал: «Помимо того, что эта статья — оголтелый антисемитизм, рядом с которым Геббельс — ребенок, она еще и несправедлива!» Ведь самая большая боль для меня — это передача о Дорониной! Я считаю, что это лучшая моя передача. Это был анализ и театроведческий, и психологический. В ней все соединилось: и безжалостность, и любовь. В конце концов Бог с ним, что написано в этих газетах. Мне было больше всего не по себе от того, что обиделась сама Татьяна Васильевна. На вечеру в Киноцентре она сказала, что хотела бы забыть мою передачу. Это горько.

— А вам никогда не хотелось обезопасить себя? Например, заранее показать сложный материал герою передачи с тем, чтобы попытаться смягчить последующую реакцию?

— Обезопасить себя невозможно. Как только я выхожу на публику, все кончено. Если бы я написал 100 книг и 100 статей, я бы не вызвал к себе ни восторга, ни раздражения. Все было бы тихо и спокойно. А как только я выхожу на пьедестал публичности, то сразу же попадаю в совершенно нереальные ситуации. Иногда — приятные, иногда — чудовищные...

Встречался Андрей ДОБРОВОЛЬСКИЙ, кинорежиссер.